

ББК 83.3(2)

УДК 82.94

DOI 10.52172/2587-6945_2022_19_1_145

С. В. Рудакова¹

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamsu@mail.ru*

А. Молнар²

*Дебреценский университет
4032 Debrecen Egyetem tér 1
manja@t-online.hu*

**РАЗМЫШЛЕНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ О СЧАСТЬЕ (ПО
СТРАНИЦАМ «МЕРТВЫХ ДУШ» И «ВЫБРАННЫХ МЕСТ ИЗ
ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ») ³**

Работа посвящена выявлению своеобразий представлений о счастье Н. В. Гоголя в «Мертвых душах» и в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Вслед за современниками автор обращается к центральному вопросу эпохи – к размышлению об истории души человеческой, к анализу причин измельчания смысла личностного бытия. Вслед за Пушкиным и Лермонтовым Гоголь пытается проанализировать процесс трагического распада человеческой личности, распада на «внутреннего» и «внешнего» человека. Соответственно вопрос о внутреннем человеке, о мертвенности души – это не просто гоголевский вопрос, это вопрос во многом эпохальный. Для Гоголя главной задачей в этих произведениях было не просто показать пошлость как трагический знак эпохи, не просто выразить насмешку и показать глубины «мерзости» человека. Для него функция сатиры, к которой он обращается, близки по воздействию трагедии античного мира; сатира, по мысли Гоголя, должна была выполнять катарсическую функцию, то есть должна была

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Молнар Ангелика, PhD., dr. Nabil, доцент Института славистики, Дебреценский университет, г. Дебрецен, Венгрия.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯиК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

заставить русского человека, российское общество устраситься, испытать страдание и прийти к пониманию истинных основ жизни, пониманию того, что есть настоящий человек, что есть подлинное счастье, как следствие, это должно было провести думающих и чувствующих людей через очищение к преображению и духовному воскрешению и избавить русское общество от пороков. Для Гоголя именно мысли о духовном просветлении становятся знаком приобщения человека к подлинному счастью.

Ключевые слова: Гоголь, «Мертвые души», «Выбранные места из переписки с друзьями, счастье, откровение, пошлость, величие человека, подлинное счастье

«Мертвые души» Н. В. Гоголя являются одним из знаковых произведений как в творчестве самого автора, так и в русской литературы в целом. В «Мертвых душах» Гоголь, по его собственному признанию, реализовал свое предназначение, исполнил святую волю, как он признавался в письме к С. Т. Аксакову: «я глубоко счастлив. Несмотря на мое болезненное состояние, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивные минуты. Создание чудное творится и совершается в душе моей <...>. Здесь явно видна мне святая воля бога: подобное внушение не происходит от человека; никогда не выдумать ему такого сюжета!» [6, XI, 330].

Поэтому в научно-исследовательской и духовно-религиозной литературе, посвященной анализу «Мертвых душ» Гоголя, особое значение уделяют исследованию откровения о судьбах человеческих. И филологи, и философы понимают, что «Мертвые души» – это не только сатирическое произведение, обнажающее многие низменные стороны российской действительности, показывающее социальные язвы общества 30–40-х гг. XIX в., что попало в фокус внимания автора, но это во многом символическое произведение, в котором автор обращается к сакральным основам жизни, задумывается о духовной сущности бытия. Потому вопрос подлинного понимания смысла «Мертвых душ» может и должен быть связан с рассмотрением проблемы счастья, которая в свою очередь должна быть соотнесена с такими извечными категориями, как закон и благодать, что были введены в широкий научный философско-филологический диалог И. А. Есауловым [9].

Поэма «Мертвые души» при наличии многочисленных исследований [3; 4; 10; 11; 12; 13; 15; 16; 17] как русского, так и мирового уровня по-прежнему таит в себе много неразгаданного. В этом произведении обнаруживается связь с предшествующей европейской литературной традицией, начиная с античной культуры, в частности, с поэмами Гомера «Илиада» и «Одиссея», с произведением европейского Ренессанса «Божественной комедией» Данте Алигьери

и другими литературными источниками, имеющими отношение как к светской, так и христианской культуре [1; 2; 7; 8; 9; 14; 15].

Первоначально задумываясь над созданием нового произведения, Гоголь делает акцент на том, что это будет объёмный текст романной формы, об этом, в частности, он пишет 7 октября 1835 года в письме к А. С. Пушкину, подарившему ему основу сюжетной линии этого художественного текста: «Начал писать «Мертвых душ». Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон» [6, X, 374].

Однако через год, в ноябре 28 ноября 1836 года, в письме к М. П. Погодину Гоголь уже высказывает сомнения в предшествующем жанровом определении своих «Мертвых душ» и начинает усматривать в них проявление жанра поэмы: «Вещь, над которой сижу и тружусь теперь и которую долго обдумывал, и которую долго еще буду обдумывать, не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная, в несколько томов, название ей Мертвые души – вот всё, что ты должен покаместь узнать об ней. Если бог поможет выполнить мне мою поэму так, как должно, то это будет первое мое порядочное творение» [6, XI, 77].

В процессе работы над «Мёртвыми душами», в разговоре со своими близкими Гоголя обращает внимание на значимость данного произведения, на величие и глубину этого художественного текста. Так, 28 июня 1836 года он сообщает о своих планах В. А. Жуковскому: «Каких высоких, каких торжественных ощущений, невидимых, незаметных для света, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сделаю, чего не делает обыкновенный человек. <...>. Это великий перелом. Великая эпоха моей жизни» [6, XI, 48–49].

С огромным воодушевлением разрабатывает Гоголь историю «Мертвых душ», и в этом же 1836 году 12 ноября в письме к Жуковскому он описывает ощущение масштабности замысла произведения, что он задумал: «...какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! <...> Это будет первая моя порядочная вещь <...>. Огромно велико мое творение, и не скоро конец его. Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ <...>. Уже судьба моя враждовать с моими земляками. <...>. Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом» [6, XI, 74, 75].

Если мы посмотрим на титул «Мертвых душ», подготовленный к их первому изданию самолично Гоголем, то увидим, что для автора выбор жанрового определения для своего произведения оказывается фактором не случайным, а принципиально важным, ибо слово «поэма» написано на титуле даже крупнее, чем само название «Мертвые души».

Что же вкладывает автор в определение «поэма» и уточнение «русская поэма». Безусловно, нужно учитывать, что Гоголь обращается не к современной литературной ситуации и популярному в этот момент жанру романтической поэмы, в которой основное внимание

сконцентрировано на романтическом исключительном герое и на обстоятельствах, связанных с ним, и чаще всего герой, попадающий в фокус внимания автора, является его *Alter ego*. Для Гоголя в процессе создания «Мертвых душ» образцом, на который он ориентируется, становится, в первую очередь, два примера – это поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея», произведения, стоящие у истоков европейской литературы, где широко представлены важнейшие события эпохального характера, определяющие судьбу народа, в которых человек представлен в испытаниях, определяющих его дорогу к Богу. В этом плане характерно размышление Гоголя о поэме «Одиссея»: «Он (народ – С. Р., А. М.) увидит только доказательство того, как трудно человеку самому, без пророков и без откровения свыше, дойти до того, чтобы узнать Бога в истинном виде <...>. ...человеку везде, на всяком поприще, предстоит много бед, что нужно с ними бороться, – для того и жизнь дана человеку, – что ни в каком случае не следует унывать, как не унывал и Одиссей, который во всякую трудную и тяжелую минуту обращался к своему милому сердцу, не подозревая сам, что таковым внутренним обращением к самому себе он уже творил ту внутреннюю молитву Богу, которую в минуту бедствий совершает всякий человек, даже не имеющий никакого понятия о Боге» [5, 46, 47]. С другой стороны, прототипическим текстом для гоголевского произведения оказывается поэма «Божественная комедия» А. Данте, где осмыслена история человечества, связанная и с жизнью здесь, и с жизнью после смерти, предложена христианоцентрическая модель мира. В своих заметках и критических работах, обращаясь к «Мертвым душам», Гоголь именует их ещё и русской поэмой, что указывает на широту философской проблематики произведения и концентрацию внимания автора на вопросах, связанных с российской действительностью (о чем говорят оговорки и уточнения автора в ряде писем – «Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь» [6, X, 374], «Вся Русь отзовется в нем» [6, XI, 77], «Вся Русь явится в нем!» [6, XI, 74, 75]).

О связи гоголевских «Мертвых душ» с «Божественной комедией» продолжают размышлять современные исследователи [1; 2; 7; 10]. Однако учитывать нужно и то, что это ориентация на Дантовский текст заставляет Гоголя выстраивать композицию своего произведения, ориентируясь на трехчастную структуру. Гоголь задумывается об Аде, Чистилище и Рае, соотнося эти христианские дантовские миры с пространством российского мира. Многие ученые, занимающиеся изучением «Мертвых душ», обращают внимание на то, что в основе первого тома поэмы – описание движения Чичикова, напоминающее перемещение в Аду.

Анализ поэмы позволяет понять, что главная задача Гоголя не просто высмеивать отдельные порочной стороны российской действительности, не просто акцентировать внимание на болезненных духовных проблемах, имеющих отношение к русскому обществу,

в особенности к высшему сословию – русскому дворянству. Создавая своё произведение, Гоголь ставит перед собой задачу более глобальную, так же, как и в «Ревизоре», он хочет заставить своих читателей задуматься над тем, что происходит, для того чтобы измениться. Именно поэтому одной из важных проблем, к которой в поэме обращается автор наряду с проблемами духовной смерти и духовного возрождения, оказывается проблема счастья, счастья мнимого и счастья истинного. Категория счастья позволяет лучше разобраться и в особенностях траектории движения центрального персонажа поэмы Чичикова, и в логике авторской мысли, реализованной в этом произведении.

Гоголь осознает, что его произведение не просто художественный текст, отражающий жизнь, писатель понимает, что перед ним стоит важная эпохальная задача: «... бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого» [5, 152]. Именно поэтому, создавая «Мертвые души», Гоголь прорабатывает огромную литературу, обращаясь к источникам самого разнообразного спектра – по статистике, по отечественной истории, по духовной и светской литературе, по этнографии, географии с тем, чтобы лучше, понять, определить, разобраться в духовном состоянии современного ему общества. Так, например, в 1846 г., вспоминая о своей работе над «Мертвыми душами», Гоголь писал Н. М. Языкову 22 апреля: «Мне бы теперь сильно хотелось прочесть повестей наших нынешних писателей. Они производят на меня всегда действие возбуждающее, несмотря на самую тягость болезненного состояния моего. В них же теперь проглядывает вещественная и духовная статистика Руси, а это мне очень нужно. Поэтому для меня имеют много цены даже и те повествован<ия>, которые кажутся другим слабыми и ничтожными относительно достоинства художественного» [6, XIII, 52].

Обращаясь к жанру поэмы гомеровского и дантовского типа, Гоголь, подобно Жуковскому, осознает, что искусство, в частности, литература, должно выполнять прежде всего созидательную, а не разрушительную функцию. Введение в литературный процесс поэмы древнего типа, как считает автор, поможет провести масштабные изменения в мире литературы и воздействовать не только на «литературную братию», но и «на развитие эстетического чувства русской критики».

Гоголь, сближая своих героев с собою, подчеркивает и принципиальное отличие: «Я люблю добро, я ищу его и сгораю им; но я не люблю тех низостей моих, которые отдают меня от добра. Я воюю с ними и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет Бог» [5, 149].

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» в третьем письме Гоголь размышляет по поводу своих «Мертвых душ» и пытается понять

и выразить свою мысль по поводу того, почему же это произведение так было воспринято и так испугало Россию, вызвав переполох, и приходит к поразительному выводу: «Мертвые души не потому так испугали многих и произвели такой шум, что они раскрыли какие-нибудь раны общества, и не потому также, что предоставили потрясающие картины зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми. Но пошлость всего вместе испугала читателей. Испугало то, что один за другим следуют у меня герои один пошлее другого <...>. Мне бы скорее простили, если бы я выставил картинных извергов, но пошлости не простили мне. Русского человека испугала его ничтожность более, нежели все его пороки и недостатки. Явление замечательное. Испуг прекрасный! В ком такое сильное отвращение от ничтожного, в том, верно, заключено все то, что противоположно ничтожному» [5, 142–143]. Гоголь и в процессе создания поэмы, и после был убежден в том, что поэма должна помочь читателю открыть подлинный свет в жизни, в своей душе, познать истину, приблизиться к Богу, таким образом найдя дорогу к благодати и к истинному счастью.

Но чтобы человек открыл в себе истинное величие, открыл в себе божественный дар – душу, нужно было раскрыть ему глаза, показав пошлость жизни, в которую он погрузился. Именно поэтому для себя как автора Гоголь находит такой путь: «Мне потребно было отобрать от всех прекрасных людей, которых я знал, все пошрое и гадкое, что они захватили нечаянно, и возвратить законным их владельцам. <...> первая часть должна быть вся *пошлость*. <...> Первая часть <...> главное дело сделала. Она поселила во всех отвращение от моих героев и от их ничтожности...» [5, 146].

И о таком писательском счастье размышляет автор, Гоголь, в одном из своих лирических отступлений в «Мертвых душах»: «Счастлив писатель, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печальною своей действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека, который из великого омута ежедневно вращающихся образов избрал одни немногие исключения, который не изменял ни разу возвышенного строя своей лиры, не ниспускался с вершины своей к бедным, ничтожным своим собратьям и, не касаясь земли, весь повергался в свои далеко отторгнутые от нее и возвеличенные образы» [6, VI, 134].

Основой поэмы становится сюжет, связанный с центральным героем Чичиковым, который приезжает в некий губернский город для покупки мертвых душ. Создавая свое произведение, автор обращается к активному использованию самых разных образов-символов, начиная с центрального, вынесенного в заглавие произведения, и заканчивая частными, казалось

бы, образами-детальями, которые в процессе развития сюжетного действия обростае́т всё новыми и новыми смысловыми значениями.

Мы видим, что вопрос о счастье – это вопрос, который представлен скорее не на текстовом, а на контекстуальном уровне, заставляет на разных этапах центральных героев, в первую очередь Чичикова, пытаться продира́ться сквозь пошлость привычного восприятия мира к пониманию сокровенных основ бытия. Мы видим, что все герои большей части поэмы – это герои, живущие в перевернутом мире, в мире «антижизни», в мире, где человек похож на марионетку, где он скорее существует, а не живет. Это касается и героев поместного мира, начиная с Манилова и заканчивая Плюшкиным, это касается и героев чиновников, которых, например, видит вместе с автором Чичиков в храме Фемиды, куда приходит он с Маниловым для того, чтобы оформить бумаги, и перед нами предстают не люди, а мундиры, выполняющее свои чиновничьи функции.

На ложность пути, выбранного Чичиковым для себя, указывает целый ряд примет, разбросанных в тексте, одна из которых обращает на себя особое внимание. Так, во второй главе, где автор описывает, как Чичиков решает начать свое движение по реализации плана купли-продажи мертвых душ и отправляется к окрестным помещикам, но первым, кого он встречает на своем пути, оказывается поп: «С громом выехала бричка из-под ворот гостиницы на улицу. Проходивший поп снял шляпу, несколько мальчишек в замазанных рубашках протянули руки, приговаривая: “барин, подай сиротиньке!”» [6, VI, 21]. Само обращение к слову «поп» уже говорит об определенной негативности, вспомним Пушкинскую «Сказку о попе и о работнике его Балде» (где герой, так именованный, в самом начале представлен весьма иронично «Жил-был поп, / Толоконный лоб»), из словарей времени Пушкина и Гоголя можем узнать, что такая характеристика давалась глупому бестолковому человеку, попросту дураку), обратимся к русскому фольклору и поймем, что в отличие от слов «священнослужитель», «батюшка», «священник» слово «поп» имело определенную негативную оценочность, и, кроме того, именно с попом с времен позднего языческого мира связана целая система поверий и суеверий, предсказывающих неблагоприятные последующие начинаний, что соотносили со встречей с ним. Так. В. И. Даль в своем словаре упоминает несколько примет, связанных с попом: «Встретил попа – не хорош выход»; «Поп – дурная встреча...».

Известен реальный эпизод из истории А. С. Пушкина, который в какой-то момент решает нарушить свое домашнее заключение, вырваться из Михайловского «плена» и отправиться в Петербург, куда по всем расчетам должен был попасть в ночь на 13 декабря, и как в последующем он признается, что в этот вечер он оказался бы, естественно, в кругу декабристов и вместе с ними, скорее всего, вышел

бы на Сенатскую площадь. Но по дороге в воротах Пушкин встретил попа, который шел проститься с отъезжающим барином, и это встреча, также как и последующее столкновение с зайцем заставила Пушкина окончательно и бесповоротно отказаться от поездки в Петербург и вернуться в Михайловское.

Но в отличие от Пушкина Чичиков встрече с попом не придал никакого значения. А зря – задуманное им, как показала история, увя, не случилось. Так, в последней 11 главе описывается стремительное бегство из города Чичикова, разоблаченного на балу сначала Ноздревым, затем и Коробочкой. В этой же части поэмы мы вновь видим, как он выезжает из ворот гостиницы, но на этот раз на его пути появляется похоронная погребальная процессия. Весь город участвует в похоронах прокурора, неожиданно ушедшего из жизни в результате того скандала, что разгорелся. И встреча эта, в отличие от первой, анализируется героем, и он дает ей свое истолкование как доброе предзнаменование: «Это, однако ж, хорошо, что встретились похороны; говорят, значит счастье, если встретишь покойника» [6, VI, 220]. Если мы обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, то, действительно, найдем там упоминание того, что «Покойника встретить – к счастью».

Но что же есть такое счастье и одинаковые ли понимает счастье Чичиков и автор, рассказывающий о нем и о судьбе русского народа и Руси. Мы понимаем, что для Чичикова – это встреча с покойником, как кажется герою, должна была сулить успех ему и его предприятию, связанному с куплей-продажей мертвых душ, а шире – с накоплением капитала, который нужен был ему для того, чтобы купить имение в Херсонской губернии, ну и как следствие, в последующем стать полноценным дворянином-помещиком, и наконец, позволить себе завести семью. Но это предприятие, как мы понимаем, потерпело оглушительное фиаско, наш герой так и не сумел ничего достичь.

Для автора же счастье заключается совершенно в ином. Столкновение со смертью, как и обнажение тех «мерзостей» человеческого существования и социальных реалий, которые во всей очевидности раскрылись для Чичикова в процессе его путешествия по этой губернии и в результате встреч с помещиками, должно было напомнить герою как личности, представляющий мир человечества, что человек (а значит и он сам) – существо бренное, а потому необходимо задуматься о себе, о собственной душе и о главных ценностях жизни, понять, что из них подлинное, а что фальшивое. Можно в этом плане вспомнить письмо Н. В. Гоголя, адресованное матери и написанное 12 июня н. с. 1844 года, после получения известия о смерти сестры: «Несчастья не посылаются нам даром; они посылаются нам на то, чтоб мы оглянулись на самих себя и пристально в себя всмотрелись. <...>. Счастлив еще бывает тот, которому

бог пошлет какое-нибудь страшное несчастье, и несчастьем заставит пробудиться и оглянуться на себя» [6, XII, 316–317].

Гоголь заставляет по-новому посмотреть на смерть и с нею связанные явления жизни, чтобы суметь ответить на вопрос, что есть смерть, а главное, что есть жизнь, в чем её ценность, об этом, например, писатель размышляет в более позднем письме к матери, в котором он в том числе объясняет, зачем в опубликованные им «Выбранные места из переписки с друзьями» включил и свое «Завещание»: «Завещание мое, сделанное во время болезни, мне нужно было напечатать по многим причинам в моей книге. Сверх того, что это было необходимо в объяснение самого появления такой книги, оно нужно затем, чтобы напомнить многим о смерти, – о которой редко кто помышляет из живущих. Бог не даром дал мне почувствовать во время болезни моей, как страшно становится перед смертью, чтобы я мог передать это ощущение и другим. <...>. В священном писании сказано, что тот, кто помнит ежеминутно конец свой, никогда не согрешит. Кто помнит о смерти и представляет ее себе перед глазами живо, тот не пожелает смерти, потому что видит сам, как много нужно наделать добрых дел, чтоб заслужить добрую кончину и без страха предстать на суд пред господом. По тех пор, покауда человек не сроднится с мыслью о смерти и не делает ее как бы завтра его ожидающею, он никогда не станет жить так, как следует, и всё будет откладывать от дня до дня на будущее время. Постоянная мысль о смерти воспитывает удивительным образом душу, придает силу для жизни и подвигов среди жизни. Она нечувствительно крепит нашу твердость, бодрит дух и становится нас нечувствительными ко всему тому, что возмущает людей малодушных и слабых [6, XIII, 194].

Соответственно работая над поэмой «Мертвые души», Гоголь задумывает вынести не приговор современному обществу, в особенности дворянству, задача писателя создать своего рода зеркало, в которое должен был заглянуть человеку и, ужаснувшись, попытаться исправиться. Та «мерзость», которая была обнаружена в человеке и в обществе и была так подробно, скрупулезно описана в поэме, необходима была автору для того, чтобы встряхнуть современников и заставить их начать меняться. Соответственно мотив смерти пронизывает поэму не для того, чтобы подвести читателя к финальной точке, заставив понять всю безысходность ситуации, а для того, чтобы пробудить человеческое сознание и душу и задуматься о будущем и о счастье. Об этом, в частности, Гоголь размышляет и в письме к своему духовному отцу протоиерею Матфею Константиновскому: «Хотелось бы живо, в живых примерах, показать темной моей братии, живущей в мире, играющей жизнью, как игрушкой, что жизнь – не игрушка» [6, XIV, 179].

Вопрос о смерти становится одним из ключевых в финальной главе поэмы. Автор фиксирует внимание и героев, и читателей на смерти

прокурора. Она неожиданна и случайна лишь на первый взгляд: «Все эти толки, мнения и слухи неизвестно по какой причине больше всего подействовали на бедного прокурора. Они подействовали на него до такой степени, что он, пришедши домой, стал думать, думать и вдруг, как говорится, ни с того ни с другого, умер» [6, VI, 209].

Эта смерть выявляет отсутствие значимости жизни для большинства героев произведения. Так, только смерть прокурора заставила понять город, что у него, оказывается, была душа («Тогда только с соболезнованием узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя он по скромности своей никогда ее не показывал [6, VI, 211]»), ведь теперь «прокурор был уже одно бездушное тело [6, VI, 211]». Единственный персонаж, который задается вопросом о жизни и смерти, оказывается именно Чичиков. И он открывает для себя суть того, что случилось с прокурором, страшную правду о нем: «Вот, прокурор! жил, жил, а потом и умер! И вот напечатан в газетах, что скончался, к прискорбию подчиненных и всего человечества, почтенный гражданин, редкий отец, примерный супруг, и много напишут всякой всячины; прибавят, пожалуй, что был сопровождаем плачем вдов и сирот; а ведь если разобрать хорошенько дело, так, на поверку, у тебя всего только и было, что густые брови» [6, VI, 220-221].

Обнаруживается, что позиция Чичикова в отношении этого вопроса во многом близка позиции самого автора. Но это открытие, что делает Чичиков в отношении прокурора, странным образом не проецируется на него самого. Получается, что, как и многие другие, он мудр, умен и толков бывает во всем, что касается других, а не себя. Но именно ему Гоголь всё-таки доверяет постигнуть то, что сокрыто от большинства. Прозреть истину Чичикову позволяет вовлеченность в такой ход обстоятельств, который оказывается связан с нарушением привычных ритмов и тем, что герой оказывается в ситуации, когда ему грозит реальная опасность, реальная беда (разоблачение, арест, тюрьма...). И вот этот кризис обстоятельств заставляет его совершенно по-новому посмотреть на мир и жизнь вокруг себя и осудить то, что раньше вызывало восторг, например, отношение к балу, задуматься о смысле бытия.

И соответственно в этот момент автор по-настоящему заставляет нас понять, что есть счастье. Счастье героя в том, что в нем начинает пробуждаться душа, начинает воскресать в нем настоящий человек. Как говорит о нем Ф. Бухарев, «многое должен еще пройти этот герой, многое должно совершаться в его духе и во внешних обстоятельствах.

Нужно по крайней мере, чтобы оживляющий луч счастья пал в его душу не иначе, как во время страшной темноты беды и горе его»¹.

Герой оставляет этот город, эту губернию, ещё не зная, что предсказывает ему эта «счастливая встреча» с похоронной процессией, ещё не понимает до конца, что счастье для него не в удачном предприятии, не в реализации мечты накопить капитал. Счастье – в его возрождении духовном через полный крах его материального предприятия, счастье – в спасении своей души. Через духовное просветление и спасение Чичикова Гоголь, по сути дела, высказывает надежду на возможность пробуждения и русского общества, не случайно вместе с Чичиковым во второй том «Мертвых душ», в мир Чистилища, должен был попасть и Плюшкин, один из самых худших персонажей поэмы, в котором, тем не менее, сохранилась та жизнь, которую ещё можно было возродить.

Для Гоголя именно мысли о духовном просветлении становятся знаком приобщения человека к подлинному счастью. Размышления же героев «Мертвых душ» о счастье, по мысли, автора – ещё одно свидетельство того, что эти люди живут в мире «перевернутых» фальшивых ценностей. потому для них счастье – удача в игре (как это проявляется в диалоге Чичикова с Ноздревым: «“Будь только на твоей стороне счастье, ты можешь выиграть чортову пропасть. Вон она! экое счастье!” <> “Экое счастье! экое счастье! вон: так и колотит! вот та проклятая девятка, на которой я всё просадила”» [6, VI, 82]); выгодная женитьба (об этом размышляет, например, Чичиков: «Ведь если, положим, этой девушке да придать тысячонок двести приданого, из нее бы мог выдти очень, очень лакомый кусочек. Это бы могло составить, так сказать, счастье порядочного человека» [6, VI, 94]); спокойная, размеренная семейная жизнь (такой представлена, к примеру, жизнь четы Маниловых: «Словом, они были то, что говорится счастливы» [6, VI, 27]); неожиданное получение наследства (в последнем разговоре с Чичиковым Ноздрев с восторгом сообщает ему последнюю сплетню: «Вообрази, Дербину какое счастье, тетка его поссорилась с сыном за то, что женился на крепостной; и теперь записала ему всё именно [6, VI, 214]). Но именно Чичиков, который помимо материальных забот и стремлений в начале своего пути имел мечту – завести семью, которая не исчезла совсем, но была задвинута на периферию его помыслов жадной капитала, в минуты, когда ему казалось он приближается к одной цели (обретение капитала), которая открывает путь к мечте (семье), позволял себе предаться сентиментальным фантазиям о счастье. Подобное, например, произошло в гостях у Собакевича: «Чичиков никогда не чувствовал себя

¹ <Федор (Бухарев, архимандрит).> Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 г. Санкт-Петербург, 1860.

в таком веселом расположении, воображал себя уже настоящим херсонским помещиком, говорил об разных улучшениях: о трехпольном хозяйстве, о счастье и блаженстве двух душ, и стал читать Собакевичу послание в стихах Вертера к Шарлотте, на которое тот хлопал только глазами, сидя в креслах, ибо после осетра чувствовал большой позыв ко сну» [6, VI, 153]

Первый том поэмы «Мертвые души», описывающий темные стороны российской жизни, завершается светлым финалом, своеобразным гимном птицы-тройки (ставшей символом Руси), которая мчится, вдохновенная Богом («Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба» [6, VI, 227]), и которой все уступают дорогу и восхищаются. И в этом предчувствие счастья духовного национального для всех и каждого передает Н. В. Гоголь.

Литература

1. Александров Л. Г. Этапы Дантова пути в пространстве «Мертвых душ» Н. В. Гоголя // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 4(185). Филология. Искусствоведение. Вып. 40. С. 14–21.

2. Асоян А. А. «Светом высшей правды» («Тройственная поэма») и «Мертвые души» Гоголя // Асоян А. А. «Почтите высочайшего поэта...»: судьба «Божественной комедии» Данте в России. Москва: Книга, 1990. С. 74–85

3. Введенский Д. Борец за живые души. К 200-летию со дня рождения Гоголя: из книги «За счастье детей. Вопросы христианского воспитания» // Духовно-нравственное воспитание. 2009. № 2. С. 35–42.

4. Воропаев В. А. Покойника встретить к счастью // Русская речь. 2008. №2. С. 114–117.

5. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. Санкт-Петербург: Типография Департамента внешней торговли, 1847. 287 с.

6. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

7. Гольденберг А. Х. «Гоголь и Данте» как современная научная проблема // Данте Алигьери: pro и contra. Т. 2. Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия. 2019. С. 547–559.

8. Гуминский В. М. Гоголевские обращения к Гомеру // Творчество Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. Москва; Новосибирск: Новосибирский изд. дом, 2016. С. 18–27.

9. Есаулов И. А. Категории закона и благодати в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. Вып. 12: Евангельский текст в русской литературе XII–XXI веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 9. С. 7–17.

10. Клементьевская М. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые Души» в исследованиях последнего десятилетия: библиография // Летняя школа по русской литературе. 2014. Т. 10. № 4. С. 290–325.
11. Кривонос В. Ш. Притча о назначении человека: о 2-м томе «Мертвых душ» Гоголя // Литература в школе. 2009. № 2. С. 11–15.
12. Манн Ю. В поисках живой души: «Мертвые Души». Писатель – Критика – Читатель. Москва: Книга, 1984. 351 с.
13. Монахов С. И. Жанрово-стилевые модели в поэме «Мертвые души» Н. В. Гоголя // Русская литература. 2007. № 1. С. 24–46.
14. Петрова Н. В. Традиции гомеровского эпоса в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Литература в школе. 1998. № 3. С. 22–30.
15. Шульц С. А. к вопросу о традициях Гомеровской «Одиссеи» в «Мертвых душах» Гоголя // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2017. № 3(7). С. 52–56.
16. Peace R. The Enigma of Gogol / R. Peace. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2009. 356 p.
17. Stanton L. J., Hardy J. D. Interpreting Nikolai Gogol within Orthodoxy: A neglected influence on the first great Russian Novelist. The Edwin Mellen Press, 2006.

REFERENCES

1. Aleksandrov L. G. Jetapy Dantova puti v prostranstve «Mertvyh dush» N. V. Gogolja [tages of Dantov's Way in Dead Souls by N. V. Gogol] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 4(185). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 40. Pp. 14–21.
2. Asojan A. A. «Svetom vysshej pravdy» («Trojstvennaja pojema» i «Mertvye dushi» Gogolja) ["By the light of higher truth" ("The Triple Poem" and Gogol's "Dead Souls")] // Asojan A. A. «Pochtite vysochajshego pojeta...»: sud'ba «Bozhestvennoj komedii» Dante v Rossii. Moscow: Kniga, 1990. Pp. 74–85
3. Vvedenskij D. Borec za zhivye dushi. K 200-letiju so dnja rozhdjenja Gogolja: iz knigi «Za schast'e detej. Voprosy hristianskogo vospitanija» [The fighter for living souls. To the 200th anniversary of the birth of Gogol: from the book "For the happiness of children. Questions of Christian Education"] // Duhovno-nravstvennoe vospitanie. 2009. № 2. Pp. 35–42.
4. Voropaev V. A. Pokojnika vstretit' k schast'ju [To meet a dead man to happiness] // Russkaja rech'. 2008. №2. Pp. 114–117.
5. Gogol' N. V. Vybrannye mesta iz perepiski s druž'jami [Selected Passages from Correspondence with Friends]. Sankt-Peterburg: Tipografija Departamenta vneshnej trgovli, 1847. 287 p.
6. Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenij: v 14 vol. [Complete Works: 14 vol] / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952.

7. Gol'denberg A. H. «Gogol' i Dante» kak sovremennaja nauchnaja problema ["Gogol and Dante" as a modern scientific problem] // Dante Alig'eri: pro i contra. T. 2. Sankt-Peterburg: Russkaja hristianskaja gumanitarnaja akademija. 2019. Pp. 547–559.
8. Guminskij V. M. Gogolevskie obrashhenija k Gomeru [Gogol's references to Homer] // Tvorchestvo Gogolja i evropejskaja kultura. Pjtnadcatye Gogolevskie chtenija. Moscow; Novosibirsk: Novosibirskij izd. dom, 2016. Pp. 18–27.
9. Esaulov I. A. Kategorii zakona i blagodati v hudozhestvennom mire M. Ju. Lermontova [Categories of law and grace in the artistic world of M. Y. Lermontov] // Problemy istoricheskoj pojetiki. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2014. Vyp. 12: Evangel'skij tekst v ruskoj literature XII–XXI vekov: citata, reminiscencija, motiv, sjuzhet, zhanr. Vyp. 9. Pp. 7–17.
10. Klement'evskaja M. Pojema N. V. Gogolja «Mertvye Dushi» v issledovanijah poslednego desjatiletija: bibliografija [Gogol's poem "Dead Souls" in the studies of the last decade: bibliography] // Letnjaja shkola po ruskoj literature. 2014. T. 10. № 4. Pp. 290–325.
11. Krivonos V. Sh. Pritča o naznachenii cheloveka: o 2-m tome «Mertvyh dush» Gogolja [A parable about the purpose of man: on the 2nd volume of "Dead Souls" by Gogol] // Literatura v shkole. 2009. № 2. Pp. 11–15.
12. Mann Ju. V poiskah zhivoj dushi: «Mertvye Dushi» [In Search of the Living Soul: "Dead Souls"]. Pisatel' – Kritika – Chitatel'. Moscow: Kniga, 1984. 351 p.
13. Monahov S. I. Zhanrovo-stil'evye modeli v pojeme «Mertvye dushi» N. V. Gogolja [Genre and style models in the poem "Dead Souls" by N. V. Gogol] // Russkaja literatura. 2007. № 1. Pp. 24–46.
14. Petrova N. V. Tradicii gomerovskogo jeposa v pojeme N. V. Gogolja «Mertvye dushi» [Traditions of Homeric epos in Gogol's poem "Dead souls"] // Literatura v shkole. 1998. № 3. Pp. 22–30.
15. Schultz S. A. k voprosu o tradicijah Gomerovskoj «Odisei» v «Mertvyh dushah» Gogolja [To the question about the traditions of Homer's "Odyssey" in Gogol's "Dead Souls"] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Serija: Jeposovedenie. 2017. № 3(7). Pp. 52–56.
16. Peace R. The Enigma of Gogol / R. Peace. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2009. 356 p.
17. Stanton L. J., Hardy J. D. Interpreting Nikolai Gogol within Orthodoxy: A neglected influence on the first great Russian Novelist. The Edwin Mellen Press, 2006.

GOGOL'S REFLECTIONS ON HAPPINESS
(BASED ON "DEAD SOULS" AND "SELECTED PASSAGES
FROM CORRESPONDENCE WITH FRIENDS")

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Literary Studies,
Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Angelika Molnar

PhD, dr. habil., Associate Professor, Institute of Slavistics, University
of Debrecen (Debrecen, Hungary)

Abstract

This paper is devoted to the peculiarities of N.V. Gogol's ideas of happiness in "Dead Souls" and «Selected Passages from Correspondence with Friends». Following his contemporaries, the author turns to the central question of the era - the reflection on the history of the human soul, the analysis of the reasons for the shallowing of the meaning of personal existence. Following Pushkin and Lermontov, Gogol attempts to analyze the process of the tragic disintegration of the human personality, the disintegration into "internal" and "external" person. Accordingly, the question of the inner man, of the deadness of the soul is not just a Gogolian question, it is in many ways an epochal one. For Gogol, the main task in these works was not just to show vulgarity as a tragic sign of the era, not just to express mockery and show the depths of the "vileness" of man. For him, the function of the satire to which he refers is close in its influence to the tragedy of the ancient world; the satire, according to Gogol, was to fulfill a cathartic function, that is, it was to make the Russian man, Russian society fear, experience suffering and come to understand the true foundations of life, to understand what a real person is, what true happiness is, as a result, it was to lead thinking and feeling people through purification to transformation and spiritual revival and rid Russian society of vices. For Gogol it is thoughts of spiritual enlightenment that become the sign of man's accession to true happiness.

Keywords: Gogol, "Dead Souls", "Selected passages from the correspondence with friends", revelation, banality, the greatness of person, true happiness

Для цитирования: Рудакова С. В., Молнар А. Размышления Н. В. Гоголя о счастье (по страницам «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями») // Libri Magistri. 2022. № 1 (19). С. 145–159.

Поступила в редакцию 09.01.2022